

Андрей Федорук
(Черновцы)

ЛИТОВСКИЕ КНЯЗЬЯ ИЗ ДИНАСТИИ ГЕДИМИНОВИЧЕЙ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ В РУССКИХ ЗЕМЛЯХ (КОНЕЦ XIV – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XV ВВ.)

Статья посвящена малоисследованному аспекту, связанному с ролью литовских князей из династии Гедиминовичей в распространении раннего огнестрельного оружия. Главное внимание уделяется появлению последнего не только на подвластных Литве русских территориях, но и на землях Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Автор отмечает, что благодаря активным политическим контактам князей-Гедиминовичей с Немецким орденом в Пруссии, они смогли получить самое передовое в то время военно-техническое средство, которое дало возможность усовершенствовать русское военное искусство. В дальнейшем ими были разработаны необходимые тактические приёмы для эффективного использования нового ствольного порохового оружия в борьбе не только с укреплениями крестоносцев, но и полевых столкновений с татарами (битва на Ворскле 1399 г.). И хотя ранние пушки ещё не всегда могли положительно повлиять на результат последних, однако они довольно быстро внесли существенные изменения в строительство оборонительных сооружений на территории многих русских земель в исследованный период.

Известно, что Синеводская битва, которая произошла осенью 1362 г. и принадлежит к числу достаточно значительных политических событий периода развитого средневековья, в последнее время стала предметом пристального изучения как отечественных, так и зарубежных исследователей¹. Многие из них подчёркивают

¹ Ю. Бохан, *Структура войска Вялікага Княства Літоўскага ў другой палове XIV–XV ст.*, [in:] *Castrum, urbis et bellum: Зб. навук. прац*, Баранавічы 2002, с. 83–85; Ф. Шабульдо, *Синьвоводська битва 1362 р. у сучасній науковій інтерпретації*, [in:] *Синьвоводська проблема у новітніх дослідженнях*, ред. Ф. М. Шабульдо, Київ 2005, с. 9–23; О. Брайченко, *Сучасні краєзнавчі дослідження Синьвоводської проблеми*, [in:] *II Міжнародний науковий конгрес українських істориків „Українська історична наука на сучасному етапі розвитку”*. Кам'янець–Подільський, 17–18

факты, связанные с существенными изменениями в области военного искусства обеих противоборствующих сторон, продемонстрировавших их в ходе названного боевого столкновения. Однако никто не обратил внимания на то, что примерно в это же время на территории Центральной и Восточной Европы впервые появилось новое военно-техническое изобретение, распространение которого вскоре произвело революционный переворот в развитии всего военного дела в указанных регионах. Кроме того, следует отметить, что вызванные этим переворотом качественные изменения в русском военном искусстве произошли во многом благодаря энергичной деятельности литовских князей из династии Гедиминовичей, которые активно содействовали внедрению огнестрельного оружия в отдельных землях ещё в период удельной раздробленности.

По мнению некоторых учёных, сами литовцы, согласно недостаточно подтверждённым письменным сообщениям, познакомились со ствольной пороховой артиллерией за несколько месяцев до битвы с татарами на реке Синие Воды. Уже в апреле 1362 г. её наверняка использовали прусские крестоносцы во время двухнедельной осады хорошо укрепленного замка Ковно, который защищал сильный гарнизон под командой новогрудского князя Войдата, сына Кейстута Гедиминовича². Появление огнестрельных орудий на вооружении орденского войска можно объяснить тем, что, по свидетельству *Die Chronik Wigands von Marburg*, крестоносцы пополнили свои ряды значительным числом „гостей” из Англии, Италии и Германии, которые, по моему предположению, и принесли с собой новое боевое средство³. Если это так, то определённо можно говорить о прямом технологическом влиянии первого этапа так называемой Столетней войны на военное дело других европейских государств. Тем более, что указанные выше осадные мероприятия под Ковно орденское войско уже проводило с учётом военно-технического опыта, достигнутого во время активных военных действий на территории Франции в 1337–1360 гг.⁴. Летом 1366 г., по сообщению Яна Длугоша, польское войско, возглавляемое королём Казимиром III Пястом, примени-

версия 2003 г. *Доповіді та повідомлення*, т. 2, Кам'янець–Подільський–Київ–Нью–Йорк–Острог 2006, с. 371–376; Р. Ю. Почкаев, *Цари Ордынские*, Москва 2010, с. 127; М. Ліннік, *Битва на Синіх Водах в беларускій гістарыяграфіі*, „Военна історія. Науково-популярний журнал”, 2011, № 4, с. 57–60; І. А. Козир, О. В. Чорний, *Локалізація місця битви на Синіх Водах 1362 р. у світлі нових джерел*, „Український Історичний Журнал”, 2012, № 2, с. 11–27.

² *Die Chronik Wigands von Marburg*, [in:] *Scriptores Rerum Prussicarum: Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft*, hrsg. von T. Hirsch, M. Tuppen und E. Strehle [далее: SRP], Bd. 2, Leipzig 1863, p. 534–539; М. Głosek, *Broń palna*, [in:] *Uzbrojenie w Polsce średniowiecznej 1350–1450*, red. A. Nadolskiego, Łódź 1990, s. 156; Ю. М. Бохан, *Узбраєння войска ВКЛ другої паловы XIV – канца XVI ст.*, Минск 2002, с. 186.

³ *Die Chronik Wigands von Marburg*, p. 531–533; Ф. М. Шабальдо, *Земли Юго–Западной Руси в составе Великого княжества Литовского*, Киев 1987, с. 66.

⁴ В ходе англо–французского вооружённого конфликта обе воюющие стороны достаточно активно применяли новое пороховое оружие. Особенно это касается англичан, которые уже 26 сентября 1346 г. в битве при Креси успешно использовали его в полевых условиях. Флорентийский хронист Джованни Виллани оставил ценное свидетельство, о том, что воины короля Эдуарда III Плантагинета пустили в дело „бомбарды, сотрясавшие воздух и землю с таким шумом, что, казалось, разгневался бог–громовец. Они наносили большой урон в людях и опрокидывали лошадей” (Дж. Виллани, *Новая хроника, или История Флоренции*, Москва 1997, с. 442). Имеются и вещественные доказательства применения англичанами пушек. Во время археологических исследований поля битвы было обнаружено 2 каменных и 3 железных ядра. Первые из них имеют диаметр 92 мм, а два других – 82 мм. Последний железный снаряд имеет размер 79 мм (А. Бёрн, *Битва при Креси. История Столетней войны с 1337 по 1360 год*, Москва 2004, с. 187).

ло „bombardos” при осаде замков во Владимире и Луцке на Волыни⁵. Однако не все историки однозначно придерживаются такого мнения, хотя некоторые из них считают, что нет достаточных оснований сомневаться в свидетельствах польского анналиста⁶. Зато огнестрельный характер, по предположению большинства исследователей, имели „instrumentum bellicum dictum huke”, с помощью которых ливонские крестоносцы пытались захватить в августе – сентябре 1377 г. Новый замок в Полоцкой земле⁷. Расшифровывая нижненемецкий термин „huke”, следует учесть, что, говоря об этих орудиях, автор *Chronicon Livoniae* Герман из Вартберге употребляет здесь слово „instrumentum”, которым в средневековых нарративных источниках часто обозначалось только что появившееся огнестрельное оружие⁸. Согласно сообщению Виганда из Марбурга, в 1381 г. орденское войско снова использовало „bombarden advolventes crastina die sagittis (usus bombardarum primus) impugnant, multi quoque paganorum parterriti sunt, quum ante hec tempora non asportabant bombardas contra paganos”⁹. Приведённое известие считается в современной исторической науке наиболее достоверным свидетельством о первом на территории Литвы использовании новых боевых средств, которое не вызывает никаких сомнений среди исследователей¹⁰.

Что касается того, когда литовские войска получили ствольное пороховое оружие, то, по свидетельству выше указанного хрониста, великий князь литовский Кейстут уже применял пушки в апреле 1382 г. во время осады замка прусских крестоносцев Юргенбург¹¹. Виганд не говорит, откуда правитель Трок, Жмудии, Гродненщины и Берестейщины приобрёл их: были это отбитые у крестоносцев орудия или он сумел где-то заказать производство „bombardos” для себя, перед тем убедившись на деле в их эффективности после многократных боевых столкновений с орденскими войска-

⁵ J. Długosz, *Opera omnia*, t. 12, ed. A. Przędziecki, Cracoviae 1876, s. 308.

⁶ Известно, что *Kronika Jana z Czarnkowa* подаёт первое достоверное упоминание о применении огнестрельного оружия на территории Польши под 1383 г. (*Kronika Jana z Czarnkowa*, tłum. J. Żerbiłło; oprac. tekstu i przypisów M. D. Kowalski, Kraków 2006, s. 116). Тем не менее Т. Новак считает, что спокойный тон рассказа коронного подканцлера, может свидетельствовать о появлении ствольных пороховых средств у поляков значительно раньше, возможно, в 60–х гг. XIV в. (Т. М. Nowak, *Artyleria polska do końca XIV w. Problematyka i stan badań*, „Studia i Materiały do Historii Wojskowości” [далее: SMHW], 9, 1963, 1, s. 19–20). О проблеме начала использования огнестрельного оружия в Польше также см.: J. Szymczak, *Początki broni palnej w Polsce (1383–1533)*, Łódź 2004, s. 13–15.

⁷ *Hermann de Wartberge Chronicon Livoniae*, [in:] SRP, Bd. 2, Leipzig 1863, p. 115; В. Б. Вилинбахов, М. Ф. Мурьянов, *Новый факт знакомства Руси с огнестрельным оружием*, „Вопросы Истории”, 1960, № 8, с. 218; Э. Могуревич, *Характеристика военных укреплений Восточной Прибалтики в Ливонской хронике Германа Вартберге XIII–XIV вв.*, [in:] *Восточная Европа в Средневековье: К 80-летию В. В. Седова*, Москва 2004, с. 314. Точное название укрепления не известно, скорее всего, это была Друя, упоминаемая в XIV в. как владение князя Андрея Ольгердовича (М. Strzykowski, *Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi*, t. 2, Warszawa 1846, s. 442; Г. Саганович, „Русь” у вайне з Нямецкім ордэнам (ханец XIII – пачатак XV ст.), „Беларускі гістарычны агляд”, т. 8, 2001, № 1–2, с. 14).

⁸ В. В. Арсндт, *К истории средневековой артиллерии. (Генезис и развитие конструкции казнозарядных пушек XIV века)*, [in:] *Труды института истории науки и техники*, серия I: *Архив истории науки и техники*, вып. 7, Москва–Ленинград 1935, с. 318; В. Б. Вилинбахов, М. Ф. Мурьянов, *Новый факт знакомства Руси с огнестрельным оружием*, с. 219.

⁹ *Die Chronik Wigands von Marburg*, p. 599–600.

¹⁰ M. Jähns, *Handbuch einer Geschichte des Kriegswesens*, Leipzig 1880, s. 877; А. Н. Кирпичников, *Военное дело на Руси в XIII–XV вв.*, Ленинград 1976, с. 77.

¹¹ „Post Pascha navigio per Mimilam descendit Kynstut cum bombardis ante Jurgenburg vulgariter” (*Die Chronik Wigands von Marburg*, p. 613).

ми. Считаем наиболее возможным первый вариант, поскольку известно, что в 1380–1381 гг. литовские отряды неоднократно успешно нападали на земли противника, где в замковых арсеналах крестоносцев Кейстут Гедиминович и мог захватить такие дорогие военные трофеи¹². Одновременно прусский хронист оставил ценное сообщение о том, что в 1382 г. во время междоусобной вооружённой борьбы в Литве великий магистр Конрад Цёльнер фон Ротенштайн подарил великому князю Ягайлу Ольгердовичу „bombardas, quas adduxerat ad vincendas terras in Dei laudem et virginis Marie dedit regi, nec ullam deduxit”, привезённые орденскими отрядами для штурма замка в Троках¹³. На следующий год уже князь Витовт Кейстутович использовал ствольные пороховые орудия прусских крестоносцев для захвата этого же замка¹⁴. А весной 1384 г. литовское войско под руководством Ягайла при помощи „bombarden” атаковало орденские укрепления в Мариенвердере¹⁵. Как видим, правители из династии Гедиминовичей познакомились с использованием огнестрельной артиллерии, благодаря своим активным политическим контактам с Немецким орденом в Пруссии¹⁶.

Именно с этого времени и позже свидетельства о новом боевом средстве всё чаще встречаются на страницах средневековых актов документов и нарративных источников. Более того, в них сообщается, что ряд литовских князей старался обзавестись собственным огнестрельным оружием. Так, на 1387 г., кроме Ягайла, ствольные пороховые орудия имелись в арсеналах и его родного брата, трокского князя, и литовского наместника Скиргайла Ольгердовича¹⁷. Ягайло в ноябре 1390 г., по рассказу Я. Длугоша, привёз свои „bombardogum” из Польши в Литву¹⁸. Поэтому „Литвы и Нѣмецъ много побіено бысть отъ пушекъ” во время похода Витовта с крестоносцами на Вильно в 1391 г.¹⁹ Последний, в свою очередь, возвращаясь в 1392 г. со своим отрядом с орденской территории, также прихватил взятые у крестоносцев „bombardis”²⁰. Кстати, именно при помощи последних он, уже как великий князь литовский, начал проводить активную централизаторскую политику по отношению к другим удельным правителям из династии Гедиминовичей. Известно, что весной 1393 г. отряды Витовта при помощи пушек штурмовали замок в Витебске, где засел мятежный князь

¹² И. А. Линниченко, *В каком году впервые появились на Руси пушки?*, „Киевская Старина”, т. 28, 1890, № 1, с. 134; Г. Саганович, „Русь” у вайне з Нямецкім ордэнам, с. 15.

¹³ *Die Chronik Wigands von Marburg*, p. 618.

¹⁴ *Ibidem*, p. 622; M. Jučas, *Grunwald 1410*, Kraków 2010, s. 161.

¹⁵ *Die Chronik Wigands von Marburg*, p. 623.

¹⁶ По наиболее достоверным актовым документам первые артиллерийские арсеналы в замках прусских крестоносцев появился не ранее 1374 г. Поэтому все сообщения письменных источников о более раннем применении огнестрельного оружия войсками Немецкого ордена не нашло единогласной поддержки у современных исследователей (V. Schmidchen, *Die Feuerwaffen des Deutschen Ritterordens bis zur Schlacht bei Tannenberg 1410. Beistände, Funktion und Kosten, dargestellt anhand der Wirtschaftsbücher des Ordens von 1374 bis 1410*, Lüneburg 1977, s. 23–26; А. Н. Кирпичников, *Военное дело на Руси в XIII–XV вв.*, с. 84; A. Nowakowski, *Some Remarks about Weapons stored in the Arsenal of the Teutonic Order's Castles in Prussia by the End of the 14th and early 15th Centuries*, [in:] *Das Kriegswesen der Ritterorden im Mittelalter*, hrsg. von Z. H. Nowak, Toruń 1991, p. 84).

¹⁷ *Die Chronik Wigands von Marburg*, p. 634.

¹⁸ I. Dlugosii, *Annales seu cronicae incliti regni Poloniae*, lib. 10, Varsoviae 1985, p. 189.

¹⁹ *Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей* [далее: ПСРА], т. 11, Москва 2000, с. 125–126.

²⁰ I. Dlugosii, *Annales seu cronicae incliti regni Poloniae*, lib. 10, p. 197.

Свидригайло Ольгердович вместе с „войском немецким”²¹. Осенью того же года Витовт двинулся „со всеми силами литовскими к Подолию. И то вслышал князь Федор Корятвич, выбегая ис Подолской земли ко Оугромь, а города всади волохи, и Вгорский князь Феодору помочь даль. А князь велики Витовтъ первое пришел ко Брасловлю, и выма Брасловль пришел ко Соколю, и Соколец вынал, и пришел ка Каменцю в ночи, и Каменца добыль, а потомь Смотричь вынал и Сколоу, и Черлении городокъ, и вси города позаседал. И воеводу князя Федора, што на тых городех, на има Нестиса, вынел, и по всим городом князь великий Витовтъ свои старосты посажалъ”²². Большинство исследователей связывает довольно быстрый захват подольских замков с активным применением литовским войском огнестрельных орудий²³. Это предположение в последнее время нашло и вещественное подтверждение, благодаря раскопкам, проведённым отечественными археологами на соответствующих объектах в Среднем Побужье. Так, на городище – замчище в с. Соколец было обнаружено 8 ядер. Первые четыре из них изготовлены из камня твёрдой породы, имеют круглую форму и диаметр 120–150 мм. Следующие три круглых снаряда также каменные, диаметром 50–60 мм. Последнее ядро сделано из глины чёрного цвета со вставленной металлической сердцевинкой в середину и имеет 40 мм в диаметре. В ходе археологических исследований оборонительных сооружений Брацлавского замчища пока что обнаружено только один каменный снаряд диаметром 110 мм. Все представленные выше артефакты в основном датируются концом XIV – началом XV вв.²⁴. При помощи указанных характеристик артиллерийских ядер можно приблизительно определить величину ствольных пороховых орудий, для которых они предназначались. Если взять за основу, что толщина стенок пушек в среднем равнялась около 5 см, то калибр ствольного оружия войска Витовта Кейстутовича вряд ли превышал 120–200 мм²⁵. Эти размеры указывают, что рассматриваемые орудия, скорее всего, принадлежали к типу лёгких бомбард, удобных для транспортировки. Стволы их, как правило, крепились обручами к колоде или лафету. Аналогии литовским пушкам известны в Италии, Сербии, Хорватии, Чехии, Германии, Польше, Украине, России²⁶.

²¹ Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи Баркулабовская, Аверки и Панцырного, [in:] ПСРА, т. 32, Москва 1975, с. 73; Ю. М. Бохан, *Узбраение войска ВКА другой паловы XIV – ханца XVI ст.*, с. 184.

²² Западнорусские летописи, [in:] ПСРА, т. 17, Москва 2007, стб. 82–83; Летописи белорусско-литовские, [in:] ПСРА, т. 35, Москва 1980, с. 66; Ф. М. Шабальдо, *Земли Юго-Западной Руси*, с. 39–140.

²³ Н. В. Молчановский, *Очерк известий о Подольской земле до 1434 г.*, Киев 1885, с. 233–234; Ю. Сіцінський, *Поділля під владою Литви*, Кам’янець–Подільський 2009, с. 56.

²⁴ Л. Виногородська, *Предмети озброєння та обладунків XIV–XV ст. з розкопок замків на Побужжі*, „Вісник національного університету Львівська політехніка”, № 571, 2006, с. 74–84.

²⁵ Для расчётов калибров артиллерийских средств взяты критерии, которые недавно были предложены польскими оружеведами (P. Stężył, *Sredniowieczna broń palna w Polsce. Studium archeologiczne*, Łódź 2011, s. 37). По величине пушки, которые применялись в конце XIV – начале XV вв., согласно с размерами калибров, подразделялись на три категории. К лёгким относились орудия калибром от 120 до 200 мм, к средним – от 250 до 450, а к тяжёлым – от 500 до 800 мм (V. Schmidtchen, *Die Feuerwaffen des Deutschen Ritterordens*, s. 12; M. Głosek, *Broń palna*, s. 157; J. Szymczak, *Sprzęt i technika oblężnicza*, [in:] *Polska technika wojskowa do 1500 roku*, red. A. Nadolskiego, Warszawa 1994, s. 263).

²⁶ A. Essenwein, *Quellen zur Geschichte der Feuerwaffen*, bd. 1, Leipzig 1877, taf. AXIII, b; AXX; AXXIII, a, b; М. Петрова, *Мортира-уникум*, „Восноно-Исторический Журнал” [далее: ВИЖ], 1940, № 1, с. 150–151; А. Дероко, *Најстарије ватрено оружје у средњевековној Србији*, „Глас Српска академија наука и уметности,

Все стволы, по единодушному мнению исследователей, были изготовлены приблизительно между 1375 и 1425 гг.²⁷ Им присуща длина, составляющая 3.7–5.6 калибров, и отношении зарядной и дульной частей как 1–1.5–2:1. Наиболее древние изделия снабжались пороховой камерой, по длине в два раза превосходившей вместилище для ядра. У более поздних образцов оба эти измерения сравнивались. Поскольку стреляли они, в основном, каменными ядрами, то принадлежали к типу „Steinbüchsen”²⁸. По свидетельствам письменных источников именно этот тип орудий преобладал в литовском войске²⁹. Уже в период так называемых Гуситских войн 1419–1434 гг., как видно по изображениям средневековой иконографии, такие орудия устанавливались на возы (рис. 1) и применялись не только во время осад укреплений, но и участвовали в полевых битвах, отчего они получили название „houfnice” (от чешского слова „houf” – „отряд”, „полк”)³⁰. От последних ведёт своё начало также полковая артиллерия³¹.

В *Никоновской летописи* сохранилось ценное сообщение о первом применении огнестрельного оружия в полевых условиях на подвластных Литве русских землях. Так, 12 августа 1399 г., во время битвы с золотоордынцами на реке Ворскла, великий князь Витовт Кейстутович разместил свои воинские силы „во обозѣ, въ кованыхъ телѣгахъ на чѣпѣхъ желѣзныхъ, со многими пищальми и пушками”³². Таким образом, это свидетельство чётко демонстрирует, что ствольные пороховые орудия литовцы на первых порах не отваживались вывозить в поле иначе, чем под прикрытием подвижных возовых сооружений – „wagenburgen”³³. Однако в борьбе против маневренного

отдальсьня друштвених наука”, т. 246, 1961, № 9, с. 28–29; M. Grodzicka *Bombarda z zamku w Kurzętniku (Najstarszy spiżowy okaz artylerii krzyżackiej)*, „Studia do Dziejów Dawnego Uzbrojenia i Ubioru Wojskowego”, т. 1, 1963, с. 7–13; А. Н. Кирпичников, *Военное дело на Руси*, с. 84; Đ. Petrović, *Dubrovačko oružje u XIV v.*, Beograd 1976, с. 127–132; А. И. Кузь, *Огнестрельная артиллерия в Северном Причерноморье во второй половине XIV–XV вв. (по данным письменных и археологических источников)*, [in:] *Древности–2010: Харьковский историко–археологический ежегодник*, вып. 9, Харьков 2010, с. 77–80.

²⁷ А. Н. Кирпичников, *Военное дело на Руси*, с. 84; А. Федорук, *Роль держав середньовічного Криму в розповсюдженні вогнепальної зброї на Русі у XIV ст.*, [in:] *Північне Причорномор'я і Крим в добу середньовіччя (XIV–XVI ст.)*, Кіровоград 2006, с. 120.

²⁸ Сохранились описания двух видов огнестрельных орудий того времени. Часть из них была бомбардами, которые стреляли каменными снарядами и поэтому назывались по–немецки „Steinbüchsen”. Пушки, что стреляли железными ядрами, по калибру меньше каменных, известны в письменных источниках по названием „Lotbüchsen” (V. Schmidchen, *Die Feuerwaffen des Deutschen Ritterordens*, s. 12–22; A. Nowakowski, *Some Remarks about Weapons stored*, p. 84; А. В. Федорук, *Огнестрельная артиллерия в Великой войне государств Ягеллонской унии с Немецким орденом 1409–1411 гг.*, [in:] *Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в средние века и раннее новое время (к 600–летию битвы при Грюнвальде/Танненберге)*, Санкт–Петербург 2010, с. 334).

²⁹ *Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae (1376–1430)*, ed. A. Prochaska, [in:] *Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia*, т. 6, Стасовиак 1882, nr 434, p. 204; Ю. М. Бохан, *Узбраенне войска ВКА*, с. 180–185.

³⁰ *Лаурентий из Бржезовой. Гуситская хроника*, Рязань 2009, с. 170, 210, 279; J. Durdík, *Husitské vojenství*, Praha 1953, с. 90–98; А. Н. Кирпичников, *Военное дело на Руси*, с. 84–85.

³¹ От чешского слова „houfnice” как вариант производят немецкое „Haubitze” (D. Goetz, *Die Anfänge der Artillerie*, Berlin 1985, с. 32, 94; А. Н. Кирпичников, *Военное дело на Руси*, с. 85).

³² *Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью*, т. 11, с. 173; В. Г. Федоров, *К вопросу о дате появления артиллерии на Руси*, Москва 1949, с. 116.

³³ E. C. Antoch, *Quelques aspects concernant l'évolution tactique du chariot sur le champ de bataille dans l'histoire militaire universelle – L'Antiquité et le Moyen age jusque à l'avènement des hussites (1420)*, [in:] *Guerre et société en Europe. Perspectives des nouvelles recherches*, Bucarest 2004, p. 45.

противника новое боевое средство не оправдало возложенных на него надежд. Об этом пишет и сам летописец: „въ полѣ чистѣ пушки и пищали недѣйствени бываху”³⁴. Слабость новой артиллерии, её уязвимость были связаны с малой скорострельностью, трудностью перемещения и небольшой дальностью стрельбы. После первого залпа вражеским легковооружённым конным отрядам достаточно было броситься вперёд, чтобы захватить пушки и уничтожить или захватить в плен артиллерийскую прислугу. При этом даже забота о защите огнестрельных орудий с помощью временных укреплений, как свидетельствует исход битвы над Ворсклой, не всегда давала положительный результат. Итак, замысел великого князя литовского эффективно использовать новое боевое средство против мобильной татарской конницы потерпел полный крах. Все пушки литовцев достались победителям в качестве трофеев³⁵.

В Литве, как и в подвластных ей русских землях, огнестрельное оружие первоначально было оборонительно–позиционным, то есть его употребляли с крепостных стен и башен. В связи с этим на ряде укреплений были проведены существенные архитектурные изменения. К примеру, необходимость модернизации сооружений замка в Луцке возникла только тогда, когда ствольные пороховые средства стали всё более влиять на ход осадных операций, а старые укрепления, построенные до появления пушек, оказались слишком уязвимыми для их огня³⁶. Увеличение толщины стен и высоты башен замка, а также перестройка бойниц, предназначенных для стрельбы из нового ствольного оружия, были сделаны в период правления Витовта и уже выше упомянутого Свидригайла. Возможно, что во времена последнего над замурованными промежностями между мерлонами, выше уровня старых бойниц, был сделан дополнительный ряд аркообразных отверстий, которые давали возможность вести огонь из огнестрельных орудий³⁷. Так, известно, что в августе 1431 г., во время так называемой Луцкой войны, по сообщению Яна Длугоша, русский гарнизон замка, во главе с воеводой Юршей, упорно оборонялся от войска Ягайла при помощи „bombardis et fistulis”³⁸. Кстати, при проведении археологических исследований на территории города было обнаружено два каменных ядра диаметром 140 и 260 мм³⁹. Находка ещё

³⁴ *Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью*, т. 11, с. 173; А. Н. Кирпичников, *Военное дело средневековой Руси и появление огнестрельное оружие*, „Советская Археология”, 1957, вып. 3, с. 63; Ю. М. Бохан, *Узбраение войска ВКЛ*, с. 184–185.

³⁵ В дальнейшем Витовт старался использовать ствольное пороховое оружие в основном во время осадных операций. При Грюнвальде, 15 июля 1410 г., великий князь литовский имея в наличии ствольную артиллерию, не осмелился применить её в полевых условиях против орденового войска, что как показал исход битвы оказалось правильным решением (А. В. Федорук, *Огнестрельная артиллерия в Великой войне*, с. 336; Idem, „...И громит бомбардами!” *Артиллерия при Грюнвальде*, „Родина. Российский исторический журнал”, 2010, № 7, с. 34).

³⁶ Г. Н. Логвын, *Луцкий замок*, [in:] *Культура и искусство Древней Руси. Сборник статей в честь проф. М. К. Каргера*, Ленинград 1967, с. 106; П. А. Раппопорт, *Военное зодчество Западнорусских земель X–XIV вв.*, [in:] *Материалы и исследования по археологии СССР* [далсе: *МИА*], № 140, Москва 1967, с. 189–191; С. В. Терський, *Історичний розвиток оборонних укріплень Галицько–Волинської держави*, [in:] *Військово–науковий вісник Академії Сухопутних військ імені гетьмана Петра Сагайдачного*, вип. 16, Львів 2011, с. 194.

³⁷ Г. Н. Логвын, *Луцкий замок*, с. 107; С. В. Терський, *Лучеськ X–XV ст.*, Львів 2006, с. 181–182; П. О. Троневич, *Луцкий замок*, Луцьк 2003, с. 46–47.

³⁸ J. Długosz, *Oreta optia*, т. 12, s. 455; Ю. М. Бохан, *Узбраение войска ВКЛ*, с. 196; С. В. Терський, *Лучеськ X–XV ст.*, с. 181.

³⁹ С. В. Терський, *Лучеськ X–XV ст.*, с. 181–182; П. О. Троневич, *Луцкий замок*, с. 27.

одного артиллерийского снаряда диаметром 100 мм, сделанного из камня, во время раскопок замка в Перемыли даёт возможность утверждать, что с использованием ствольных пороховых средств, кроме Луцка, были знакомы и другие города Волынской земли⁴⁰. Размеры найденных артиллерийских ядер указывают, что на вооружении этих русских городов находились пушки калибром от 110 до 300 мм. Активное распространение огнестрельного оружия на указанной территории произошло, скорее всего, уже в период правления великого князя литовского Витовта Кейстутовича⁴¹.

Однако надо сказать, что вопросами обеспечения укреплений пушками с целью защиты своих русских уделов занимались не только представители великокняжеской власти Литвы, но и другие князья с династии Гедиминовичей. Например, существуют все основания предполагать, что с использованием огнестрельного оружия были знакомы подольские князья Александр и Фёдор Кориатовичи⁴². Так, исследование самого древнего ядра западной стены замка в Каменце–Подольском показали, что толщина и формы её бойниц были приспособлены к применению огнестрельного оружия⁴³. Откуда князья Кориатовичи могли получить новое боевое средство однозначно ответить сложно. Хотя известно, что они поддерживали довольно тесные политические и экономические связи с Польшей и Венгрией⁴⁴, а также с Москвой⁴⁵.

Кроме того, следует отметить, что князья из династии Гедиминовичей содействовали появлению и внедрению ствольных пороховых орудий и в землях Северо–Восточной Руси. Считается, что новое пороховое оружие появились в Москве между 1376 г. (когда, по сообщению *Воскресенской летописи*, со стен одного из городов Волжской Болгарии против русской рати было задействовано не названное приспособление – „зъ города громъ пущаху”)⁴⁶ и 1382 г. (когда, по свидетельству *Никоновской летописи*, на укреплениях московского кремля, наряду с пороками и самострелами, упомянуты уже вошедшие в обиход „пушки и тюфяки”)⁴⁷. Логично предположить, что огнестрельное оружие было принято в Москве в период наиболее ин-

⁴⁰ С. В. Терський, *Оборонний комплекс середньовічного волыняського міста Перемиля*, „Вісник Національного університету Львівська політехніка”, № 584, 2007, с. 20.

⁴¹ Г. Н. Логвын, *Луцкий замок*, с. 107; С. В. Терський, *Оборонний комплекс*, с. 20.

⁴² Находка каменного ядра диаметром 90 мм на городище в с. Зелёная Липа даёт основания предположить, что князья Кориатовичи могли использовать ствольные огнестрельные орудия ещё зимой 1377 г., когда они на стороне князя Володислава Опольского воевали против молдавского воеводы Петра Мушата и поддерживавших его золотоордынцев (А. Федорук, *Кам'яне ядро з городища XIV ст. в Зеленій Липі*, [in:] *Археологічні студії*, вип. 3, Київ–Чернівці 2003, с. 216–221; Idem, *Воєнна діяльність князя Володислава Опольського на території Шумської землі у 1374–1377 рр.*, [in:] *Principalities in lands of Galicia and Volhynia in international relations in the 11th – 14th Centuries*, ed. V. Nagirnyu (*Colloquia Russica*, series I, vol. 2), Krakow 2012, s. 129).

⁴³ Е. М. Пламеницька, *Початкові етапи будівництва Кам'янець–Подільського замку*, [in:] *Матеріали III Подільської історико–краєзнавчої конференції*, Львів 1970, с. 139–143.

⁴⁴ А. В. Войтович *Удільні князівства Рюриковичів і Гедиминовичів у XII–XVI ст. Історико–генеалогічне дослідження*, Львів 1996, с. 108, 111–112.

⁴⁵ У великого князя московського Дмитрія Івановича воеводой служил их родной брат – Дмитрий Кориатович, который стал более известным под прозвищем Боброк–Вольский (С. З. Заремба, *Куликовська битва та її історичне значення*, Київ 1980, с. 44–45, 57–58; Ф. М. Шабульдо, *Землі Юго–Западної Русі*, с. 115, 124, 146, 147).

⁴⁶ *Продолжение летописи по Воскресенскому списку*, [in:] *ПСРА*, т. 8, Санкт–Петербург 1859, с. 24.

⁴⁷ *Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью*, т. 11, с. 74.

тенсивных военных приготовлений, непосредственно предшествующих „Донскому побоищу”⁴⁸. При этом безоговорочным фактом остаётся то, что обороной столицы великого князя московского Дмитрия Ивановича от войска золотоордынского хана Тохтамыша в августе 1382 г. руководил не кто иной, как „князь литовській, именемъ Остѣй, внукъ великого князя Олгирда”⁴⁹. Безусловно, произошло это неспроста, особенно если учитывать, что наверняка по его приказу на атакующих татар горожане „овіи стрѣлами стрѣляху съ забороль, овіи каменіемъ шибяху на ня, друзіи же тюфяки пущающе на нихъ, а иные самострѣлы напоминающе пущаху, и пороки пущаху, а иніи великіи пушки пущаху”, которые были установлены на башнях кремля (рис. 2)⁵⁰.

Ко всему этому надо добавить, что некоторые исследователи не отбрасывают возможности проникновения ствольных пороховых орудій в земли Северо–Восточной Руси именно через территорию Литвы. На такое предположение их наталкивает одно сообщение, зафиксированное в *Тверской летописи*, согласно с которым в 1389 г. в русские земли „изъ Нѣмецъ вынесоша пушки”⁵¹. В основных деталях этот процесс выглядит следующим образом: „Рыцари–меченосцы употребляли пушки впервые в 1380 г. Через два года приобрели артиллерию литовцы, возможно, заимствовав её у орденских братьев. В свою очередь русские познакомились с действием пушек через литовцев”⁵². Несмотря на некоторые фактические неточности, предложенная версия проникновения огнестрельного оружия в порубежные с Литвой русские земли выглядит достаточно правдоподобно⁵³. Более того, в первых российских историографических компиляциях сохранилось ценное свидетельство, по которому, возвращаясь из похода против Немецкого ордена в Пруссии в ноябре 1410 г., „князь великий Витовт прислал зятю своему великому князю Василию дары многи и 2 пушки медяны пруские”⁵⁴. Таким образом, возможный „литовский путь” проникновения нового порохового оружия на территорию земель Северо–Восточной Руси находит некоторые подтверждения в летописных сообщениях.

Не последнюю роль сыграли литовские князья и в использовании пушек в Новгороде Великом, где в исследуемый период представители из династии Гедиминовичей неоднократно бывали, по приглашению, на военной службе вместе со своими

⁴⁸ А. Н. Кирпичников, *Военное дело на Руси*, с. 77.

⁴⁹ *Продолжение летописи по Воскресенскому списку*, т. 8, с. 43; *Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью*, т. 11, с. 73.

⁵⁰ *Продолжение летописи по Воскресенскому списку*, т. 8, с. 44.

⁵¹ *Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью*, [in:] *ПСРА*, т. 15, Санкт–Петербург 1863, стб. 444.

⁵² А. А. Монгайт, *Русская артиллерия в XIV–XVI вв.*, „ВИЖ”, 1940, № 7, с. 66.

⁵³ Приведённая версия находит подтверждение и в лингвистическом анализе общеславянского слова „пушка”. Этимологически оно может быть связано с разноязычными родственными понятиями: „rukis”, „pixides” – вместилище, сосуда (греко–латинское слово); „buszen”, „buhsa” (верхне–немецкое), которые произошли от „rukis”, „рухен” (чешско–латинское), „rukša”, „puška” (сербское и польское). Вероятно, это слово было заимствовано и в литовский язык, где оно звучит как „pūčzka” (В. Б. Вилинбахов, А. Н. Кирпичников, *К вопросу о появлении огнестрельного оружия на Руси*, [in:] *Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея*, вып. 3, Ленинград 1958, с. 249).

⁵⁴ В. Н. Татищев, *История Российская*, т. 5, Москва; Ленинград 1965, с. 216.

„Дружинами” и „дворами”⁵⁵. Так, уже в 1394 г. „месяца августа въ 1 день, приидоша новгородцы ко Пскову ратию в силе велице, и стояша оу Пскова 8 дни, и побегоша нощию прочь посрамлении милостию святых троица; тогда князя копороского оубиша Ивана и инех боярь много, овых избиша, овых поимаша, а пороки и пушчи пометаша”⁵⁶. Благодаря информации из других русских летописей, известно, что среди главных руководителей этого неудачного похода войска Новгорода Великого был служилый литовский князь Роман Фёдорович, внук Ольгерда Гедиминовича, родоначальник династии князей Кобринских⁵⁷. А его противником во время этой войны был другой литовский князь – Андрей Ольгердович, активный участник битв с татарами на реке Воже (1378 г.) и Куликовом поле (1380 г.), которого псковичи в 1393 г. пригласили к себе на военную службу⁵⁸.

Судя по выше наведённому летописному сообщению, вместе со ствольными пороховыми средствами, новгородская рать во время осады Пскова применяла и другие виды военно-технических орудий – „пороки”⁵⁹. Все эти виды боевой техники при осадах укреплений вели огонь практически с одной дистанции, отдаленной от защитных преград примерно на 80–100 м⁶⁰. Объяснить такое равноправное применение старых и новых средств борьбы можно тем, что ранние образцы пороховых орудий в большинстве случаев не имели необходимой огневой мощности для пробивания стен и башен укреплений противника. На это указывают и соответствующие археологические материалы. Обнаруженное во время раскопок в Новгороде Великом железное ядро имеет диаметр всего 70 мм и датируется XV в.⁶¹ По размерам оно подходит для стрельбы из небольших казнозарядных „пищалей” калибром 75–150 мм (рис. 3), которые ныне хранятся в собраниях Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге⁶². Последние, учитывая особенности их конструкций, датируются концом XIV – первой половиной XV вв.⁶³

Более успешным для новгородцев было использование пушек в полевых условиях. Так, в *Псковской первой летописи* говорится, что 6 июля 1447 г. „князь Александръ станы сташа на Нарове с новгородцы, биющися через Норову реку с погаными

⁵⁵ В. А. Янин, *Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV вв.*, Москва 1998, с. 90–99.

⁵⁶ *Новгородские летописи*, [in:] *ПСРА*, т. 3, Санкт-Петербург 1841, с. 96–97; *Псковские летописи*, [in:] *ПСРА*, т. 5, вып. 1, Москва 2003, с. 25; А. В. Валеров, *Новгород и Псков: Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV вв.*, Санкт-Петербург 2004, с. 298.

⁵⁷ *Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью*, т. 11, с. 156; Б. Н. Флоря, *Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле*, [in:] *Куликовская битва. Сб. статей*, Москва 1980, с. 93; Л. В. Войтович *Удільні князівства*, с. 137.

⁵⁸ *Новгородские летописи*, т. 3, с. 97; Б. Н. Флоря, *Литва и Русь*, с. 158–160; Л. В. Войтович *Удільні князівства*, с. 192.

⁵⁹ А. Н. Кирпичников, *Метательная артиллерия древней Руси (Из истории средневекового оружия VI–XVI вв.)*, [in:] *МИА*, № 77, Москва 1958, с. 26–31, 35–41; Ю. М. Бохан, *Узбраение войска ВКА*, с. 178–180.

⁶⁰ А. Н. Кирпичников, *Военное дело на Руси*, с. 79.

⁶¹ Медведев А. Ф. *Оружие Новгорода Великого*, [in:] *МИА*, № 105, Москва 1959, с. 150; А. В. Арциховский, *Оружие* [in:] *Очерки русской культуры XIII–XV вв.*, ч. 1, Москва 1969, с. 415.

⁶² В. В. Арендт, *К истории средневековой артиллерии*, с. 298–302; В. М. Крылов, С. В. Успенская, С. В. Ефимов и др. *Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Путеводитель*, Санкт-Петербург 2008, с. 26–28.

⁶³ В. В. Арендт, *К истории средневековой артиллерии*, с. 301–302.

Нѣмцы. И пособи Богъ, святыи Софии премудрости Божия мужем новгородцемъ и князю Александру, и побѣдиша поганыхъ Нѣмцевъ, а инѣхъ много их на мори в бусахъ погибоша, а инии истопиша в мори, а инѣхъ руками поимаша 80 и 4 нѣмчина, и с ними два князца яша немецкая, и много добытка добыша молитвами благовѣрныхъ князей"⁶⁴. И такъ, битва с ливонскими и прусскими крестоносцами у устья Наровы, в ходе которой с обеих сторон активно применялись ствольные пороховые орудия, закончилась убедительной победой новгородцев. На этот раз их войском руководил литовский служилый князь Александр Васильевич Чарторыйский, недавно приглашённый в Новгород Великий⁶⁵. До этого он побывал в Пскове и во главе псковской рати ходил походом „под Новый Городок немецкий"⁶⁶. Успешное применение пушек новгородцами в битве с крестоносцами у устья Наровы можно объяснить наличием у их командующего необходимого тактического опыта использования пороховой артиллерии в открытом поле⁶⁷. Ствольные пороховые орудия, как и раньше, вывозились и размещались под прикрытием временных укреплений. Именно так можно интерпретировать известия летописца о том, что „князь Александръ станы сташа на Нарове с новгородцы"⁶⁸. При этом, возможно, часть пушек была поставлена на колёса, что резко увеличило её подвижность и позволило эффективно применить в полевом столкновении с противником⁶⁹. Возможно, что литовский служилый князь применил некоторые передовые тактические принципы использования артиллерии, которые практиковались в гуситском военном искусстве (на территории Чехии пушки ставили на колесные лафеты ещё в конце XIV в. (рис. 4) и были также уже известны в Литве)⁷⁰.

⁶⁴ *Псковские летописи*, т. 5, вып. 1, с. 48. В другой русской летописи сообщается, что „приѣха князь Александръ Васильевич в Великий Новгородъ, и поиде с Новгородчи к Наровѣ, противу Нѣмцевъ, и сташа на усть Наровѣ у моря, мѣсяца июля в 3 день, и узрѣша Новгородчи оже Нѣмцѣ на бусахъ и на шнекахъ бѣжаху к Наровѣ, и приидоша Новгородчи на лодьяхъ протиу ихъ, и начаша Новгородчи и с Нѣмци пушками битися и стрѣлаться, и пособи бог Новгородчѣмъ, побиша Нѣмцевъ много, а инии в морѣ истопиша, и иныхъ руками поимаша, осмидесять человекъ убиша. А побоице бысть сие мѣсяца июля въ 6 день, въ четверг по обѣдѣ. И поидоша Новгородчи от Наровѣ в субботу по обѣдѣ” (*Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки*, [in:] *ПСРА*, т. 16, Санкт-Петербург 1889, стб. 191). При чтении этого летописного отрывка создаётся впечатление, что в нём идёт речь только об одном морском сражении, во время которого между кораблями враждующих сторон имела место артиллерийская дуэль. Но, как правильно отметил ещё И. Э. Клейнберг, сравнивший известия обоих источников о Наровской битве, в действительности в боевом столкновении участвовали как морские, так и сухопутные силы: артиллерийскую перестрелку вели последние „через Нарову реку” (И. Э. Клейнберг, *К вопросу об огнестрельном вооружении новгородского войска*, [in:] *Вестник Ленинградского университета*, № 20: *Серия истории, языка и литературы*, вып. 4, Ленинград 1959, с. 133).

⁶⁵ Н. А. Казакова, *Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения*, Ленинград 1975, с. 72.

⁶⁶ *Псковские летописи*, т. 5, вып. 1, с. 47.

⁶⁷ Возможно, также, что у этого служилого литовского князя были и свои специалисты по артиллерийскому делу. На это косвенно указывает летописное сообщение о том, что с ним пришло „двора его кованой рати боевыхъ людей 300 человекъ, опричь кошовыхъ”. *Ibidem*, с. 165.

⁶⁸ *Ibidem*, с. 48.

⁶⁹ Для этого временное укрепление располагалось „въ колѣхъ”, то есть, сдвинув везы, плотно сцепив их, из-за которых вели огонь из пушек по противнику (П. В. Голубовский, *С какого времени можно проследить на юге Руси способ защиты табором?*, Москва 1901, с. 3, 10).

⁷⁰ Известно, что благодаря заграничной деятельности князей Сигизмунда Корибутовича и „Фридерика” Острожского, литовцы познакомились с передовыми приёмами чешского военного искусства, которые были использованы во время решающего боевого столкновения междуусобной войны 1432–1438 гг. Более подробно см.: J. Skrzypek, *Bitwa nad rzeką Świętą*, „Przegląd Historyczno-Wojskowy”, R. 10, 1938, nr 1, s. 35–57; S. Zakrzewski, *Bitwa*

Благодаря этим новым приёмам, новгородские вооружённые отряды сумели нанести орденским войскам ощутимые потери не только в живой силе, но и военно-техническом обеспечении.

Во время активных военных контактов с князьями из династии Гедиминовичей земли Северо-Западной Руси познакомились с использованием и тяжёлых „проломных” бомбард. Так, под 1428 г. в *Никоновской летописи* сообщается, что „князь велики Витовть Кестутьевич литовский со многими силами ходиль ратью на Новгород Великий; бѣаху же съ нимъ и пушки и туфяки и пищали; едина же съ нимъ пушка велика велми, Галка именовъ, везяху ея на сороцѣ конехъ отъ утра до обѣда, а отъ обѣда до полудни на иныхъ сороцѣ конехъ, а до вечера на иныхъ сороцѣ конехъ. И пришедшую ему подъ градъ Порховъ”⁷¹. Это ценное летописное известие чётко указывает на присутствие в распоряжении великокняжеской власти Литвы огромных ствольных орудий, которые сравнительно недавно появились на вооружении в отдельных землях Центральной и Восточной Европы. Распространение их преимущественно произошло после так называемой Великой войны 1409–1411 гг., во время которой бомбарды такого значительного размера успешно использовались войсками прусских крестоносцев для проведения крупномасштабных осадных операций на территории Добжинской земли, Северной Куявии и самой Восточной Пруссии⁷². Известно, что многие представители династии Гедиминовичей брали достаточно активное участие в этом вооружённом конфликте с Немецким орденом, имея возможность лично убедиться в эффективном действии „огнестрельных чудовищ”⁷³. Позже часть прусских орудий как трофеи попали в руки литовцев вместе с артиллерийской прислугой. Русский летописец оставил известие про „немчина мастера пушечнаго” в составе войска Витовта под Порховом, которого звали „Миколай”⁷⁴.

Необходимо отметить, что использование таких огромных „проломных” бом-

над Świętą, inaczej pod Wilkomierzem, dnia 1 września 1435 r., [in:] *Pamiętnik VI Powstaniego Zjazdu Historyków Polskich w Wilnie*, t. 1, Lwów 1935, s. 554–558; V. Štěpán, *Bitva u Wilkomierze (Ukmerge) 1 září 1435*, [in:] *Husitský Tábor supplementum 3, sborník Husitského muzea, Tábor 2007*, s. 675–700.

⁷¹ *Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью*, [in:] *ПСРА*, т. 12, Москва 2000, с. 8; А. Л. Монгайт, *Русская артиллерия*, с. 63; П. А. Раппопорт, *Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв.*, [in:] *МИА*, № 6, Москва 1961, с. 170.

⁷² *Johann's von Posilge, officialis von Pomesanien, Chronik des Landes Preussen (von 1360 an, fortgesetzt bis 1419)*, [in:] *SRP*, Bd. 3, Leipzig 1866, s. 300–303; А. В. Федорук, *Огнестрельная артиллерия в Великой войне*, с. 335.

⁷³ А. В. Кузьмин, *Участие литовско-русских князей в Грюнаальдской битве*, [in:] *Судьбы славянства и эхо Грюнаальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в средние века и раннее новое время (к 600-летию битвы при Грюнальде/Танненберге)*, Санкт-Петербург 2010, с. 147–153; J. Tęgowski, *Udział przedstawicieli dynastii Giedyminowiczów w Wielkiej Wojnie z Zakonem Krzyżackim*, [in:] *Jogailos ir Vytauto laikai. Mokslinių straipsnių rinkinys, skirtas Žalgirio mūšio 600-osioms metinėms*, Kaunas 2011, s. 41–58.

⁷⁴ *Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью*, т. 12, с. 8. Сохранились письменные свидетельства о том, что руководство Немецкого ордена после войны с Польшей и Литвой продавало ствольное пороховое оружие в порубежные земли. Так, в 1412 г. великий магистр Генрих фон Плауэн продал бранденбургскому курфюрсту Фридриху I Гогенцоллерну огромную „Steinbüchse”. Её размеры: общая длина ствола – 2,5 м, вес – 4600 кг, калибр – 500 мм. Стреляла она камнными ядрами массой в 150 кг, для чего требовался пороховой заряд – 13 кг. Позже это тяжёлое орудие стало известно под именем „Faulle Grette”, которую курфюрст использовал в 1414 г. против замка Плауэн, где засели непокорные ему рыцари. С его помощью были разрушены стены укрепления толщиной 4,5 м (V. Schmidtchen, *Riesengeschütze des 15. Jahrhunderts. Technische Höchstleistungen ihrer Zeit*. „Technikgeschichte”, Bd. 44, 1977, z. 3, s. 217–221; D. Goetz, *Die Anfänge der Artillerie*, s. 22).

бард вело за собой не только значительные финансовые затраты, но и организационные трудности, связанные с их транспортировкой к месту проведения осады укрепления противника. К примеру, в западноевропейских письменных источниках сообщается, что в 1386 г. около 2,5–тонную бомбарду из г. Нюрнберг по имени „Chromhilda” тянуло 12 лошадей, другие 16 – использовано для перевозки к ней необходимого снаряжения, а 11 каменных ядер были нагружены в четыре воза, в каждый из которых было запряжено 4 лошади (рис. 5). Механизм для поднятия орудия был размещён на отдельном возе, запряженном 4 лошадьми, а, кроме этого, ещё несколько возов были загружены различным стрелковым снаряжением и щитами для защиты артиллерийской прислуги⁷⁵. В 1420 г. другую 2–тонную бомбарду из г. Базеля тянуло 14 лошадей, а ядра и порох на 50 выстрелов из неё перевозили на возах, в которые было запряжено в сумме 22–24 лошади⁷⁶. Транспортировка таких тяжёлых орудий по дорогам того времени, а также переправа их через водные преграды требовала, с одной стороны, приложения значительных физических усилий, а с другой – соответственного технического обеспечения⁷⁷.

Несмотря на тяжесть и обременительность, эти огромные бомбарды пробивали стены укреплений и наносили такой урон, что город мог сдаться после однодневной осады. Так, под Порховом, „тоѣ пушки мастеръ Миколай похвалився Витовту, рече: „не токмо же княже, сею пушкою стрѣлицу разобью, но и церков святого Николы каменую въ градѣ раздражу”. Стрѣлица же та и церков бѣаху камены и велми крѣпки. Пустившу же ему пушку, и вырази пушка стрѣлицу изо основанія, и у церкви святого Николы преднюю и заднюю стѣну во олгари прорази, и градныя каменныя зубцы срази, и тако изыде паки изъ града”⁷⁸. Для того, чтобы достигнуть такого результата при использовании „проломных” бомбард, их должны были установить на специально оборудованных огневых позициях (рис. 6), которые давали возможность вести стрельбу, не подвергая опасности артиллерийскую прислугу со стороны противника⁷⁹. Именно под влиянием эффективного применения „Галки” и подобных ей мощных орудий, начиная с 30–х гг. XV в., активно проводилась модернизация укреплений Порхова, Ямгорода, Новгорода Великого, Пскова и других крепостей на территории Северо–Западной Руси⁸⁰.

В то же время, в ливонских актовых документах находим одно из самых ранних известий о наличии тяжёлых орудий на вооружении новгородского войска. 20 марта 1444 г. комтур Везенберга сообщал рату Ревеля, что, по показаниям пленного русско-

⁷⁵ J. Szymczak, *Początki broni palnej w Polsce*, s. 213; P. Strzyż, *Artyleria Władysława Jagielly w wojnie z Władysławem Opolczykiem (1391–1401)*, [in:] *Acta Militaria Mediaevalia*, t. 3, Kraków–Sanok 2007, s. 93.

⁷⁶ D. Goetz, *Die Anfänge der Artillerie*, s. 26; P. Strzyż, *Artyleria Władysława Jagielly*, s. 94.

⁷⁷ Необходимо отметить, что из–за ужасного состояния дорог в то время транспортировка таких огромных бомбард было достаточным длительным процессом. Например, в 1488 г. свидницкую „Sau”, вссвишую 8 т, на расстояние 110 км перевозили почти месяц (13 июля – 8 августа), или в среднем 4 км в день (B. Rathgen, *Das Geschütz im Mittelalter. Quellenkritische Untersuchungen*, Berlin 1928, s. 379; Goliński M. *Broń palna na Śląsku do lat trzydziestych XV w. oraz jej zastosowanie przy obronie i zdobywanie twierdz*, „SMHW”, t. 3, 1988, s. 15).

⁷⁸ *Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью*, т. 12, с. 8; А. Л. Монгайт. *Русская артиллерия*, с. 63.

⁷⁹ D. Goetz, *Die Anfänge der Artillerie*, s. 20–21; P. Strzyż, *Artyleria Władysława Jagielly*, s. 95.

⁸⁰ А. Н. Кирпичников, *Каменные крепости Новгородской земли*, Ленинград 1984, с. 16–17, 182–183, 249.

го, в составе многочисленной рати Новгорода Великого, находившейся в двух милях от Ниенслота, „unde hebben 5 groter busszen medebracht und vort vele ander kleyner buszen”⁸¹. Безусловно, на основании письма везенбергского комтура однозначно трудно сказать, каково было назначение этой пороховой артиллерии. Однако упомянутые в нём „groter busszen” могли предназначаться, скорее всего, для проведения осад ливонских укреплений, в то время как „kleyner buszen” должны были использоваться в полевых боевых столкновениях с противником. Доказательством последнего может служить сообщение комтура Ревеля от 25 марта 1444 г. о том, что одно войско новгородцев осаждало и обстреливало крепость в Нарве, а другое потеснило его вооружённые отряды в открытом бою⁸². По словам русского летописца, „шедше новгородцы в Нѣмѣцкую землю за Нарову съ князем Иваномъ Володимировичем, поплениша и пожгоша много около Ругодива и до Пурдовнѣ, и подле Норову и до Чюдьского озера”⁸³. Во главе этого военного похода стоял литовский князь Иван Владимирович, внук Ольгерда, который только что приехал на службу в Новгород Великий⁸⁴.

Заметим, что земли Северо-Западной Руси в этот период испытывали довольно большую потребность в чёрных и цветных металлах, главным образом, для производства вооружения⁸⁵. Так, ещё в начале весны 1421 г. вопрос о продаже металлов новгородцам послужил темой для переговоров Ливонской конфедерации и Любека как главы ганзейских городов. На решение прусских городов в Валке от 12 февраля 1421 г. прекратить ввоз меди, олова и других металлов, из которых изготавливались пушки, Любек ответил, что это касается не только его одного, но и всех городов Ганзейского союза, которые ведут торговлю с Новгородом Великим и издавна привозят русским медь и другие металлы. Тем не менее, съезд постановил „dat nen kopman besundergen сорреге, тун edder andere gud, dar men were von maken mach, uure de Russen sall voren, unde geven dat selve den steden to kennende”⁸⁶. Хотя этот запрет не имел особенно большого влияния, он всё-таки усложнял покупку необходимого количества чёрных и цветных металлов для производства огнестрельного оружия в новгородских литейных и оружейных мастерских⁸⁷. Поэтому любая возможность получить железо, медь и олово обходным путём, в том числе и через Литву, становилась для земель Северо-Западной Руси достаточно актуальной. Но факты ввоза на территорию последних готовых ствольных пороховых орудий в это период также пока не известны.

Таким образом, литовские князья из династии Гедиминовичей сыграли весомую роль в процессе внедрения и тактического применения новых пороховых средств

⁸¹ *Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch*, hrsg. von F. G. von Bunge, H. Hildebrand und Ph. Schwartz [далее: *LEKUB*], Bd. 10, Riga–Moskau 1896, nr 25, s. 22.

⁸² *Ibidem.*, nr 31, s. 29.

⁸³ *Новгородские летописи*, [in:] *ПСРА*, т. 3, Санкт–Петербург 1841, с. 424, 439; *Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки*, т. 16, стб. 185.

⁸⁴ Н. А. Казакова, *Русско–ливонские*, с. 64, 67; В. А. Янин, *Новгород и Литва*, с. 95.

⁸⁵ А. Л. Хорошкевич, *Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV вв.*, Москва 1963, с. 307.

⁸⁶ *LEKUB*, bd. 6, Riga 1873, nr 389, s. 338.

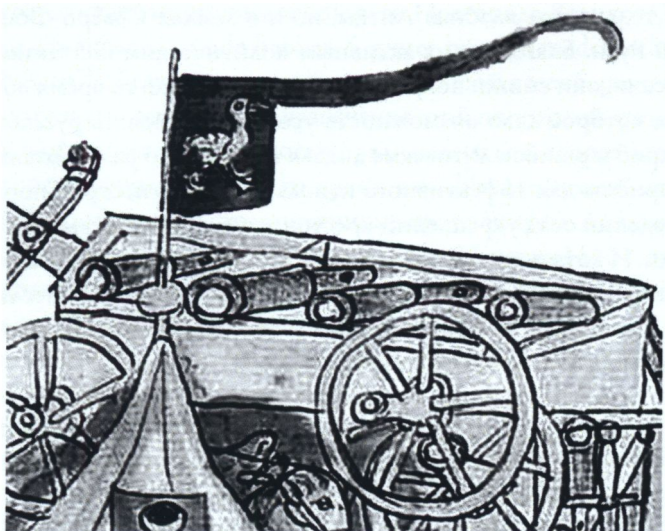
⁸⁷ А. И. Семёнов, *Новгородские литейные и оружейные мастерские XV–XVI вв.*, [in:] *Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея Красной Армии*, вып. 1, Москва–Ленинград 1940, с. 239–241.

на русских территориях не только под властью Литвы, но и в землях Северо–Восточной и Северо–Западной Руси. Благодаря их активным политическим контактам с Немецким орденом в Пруссии, они смогли получить самое передовое в то время военно–техническое средство, которое дало возможность усовершенствовать русское военное искусство. Путём проб и ошибок литовские князья постепенно разработали необходимые тактические приёмы для эффективного использования огнестрельного оружия не только при проведении осад укреплений крестоносцев, но и полевых боевых столкновений с татарами. И хотя ранние пушки ещё не всегда могли положительно повлиять на исход „открытой” битвы в степи, однако они довольно быстро внесли существенные изменения в строительство оборонительных сооружений на территории многих земель Центральной и Восточной Европы.

*

Andriy Fedoruk, *The Lithuanian princes of the Gediminas dynasty and the proliferation of small arms in the Russian lands (the end of the 14th – the first half of the 15th c.)*

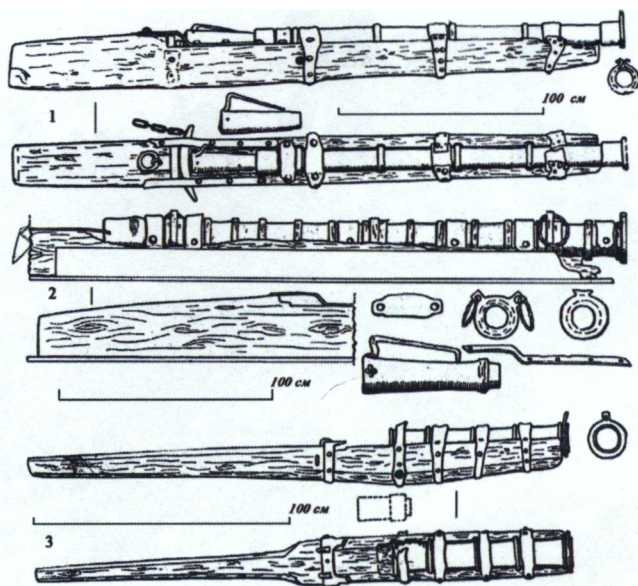
The article is devoted to the little–explored aspects related to the role of the Lithuanian princes of the Gediminas dynasty in the spread of early firearms. The focus is on its appearance not only on the subservient to Lithuania Russian territories, but also in the lands of the North–East and North–West Rus. The author notes that, thanks to the active political contacts of princes–Gediminians with the Teutonic Order in Prussia, they were able to get the most advanced at that time military–technical means, which made it possible to improve the Russian martial art. Later they had developed the necessary tactics for the effective use of a new barrel of gunpowder weapons in the struggle not only with the fortifications of the Crusaders, but also with the field clashes with the Tartars (the Battle of the Vorskla River in 1399). And although the early guns have not always been able to positively affect the outcome of the last, but they quickly made significant changes in the construction of fortifications in many Russian lands in the studied period.

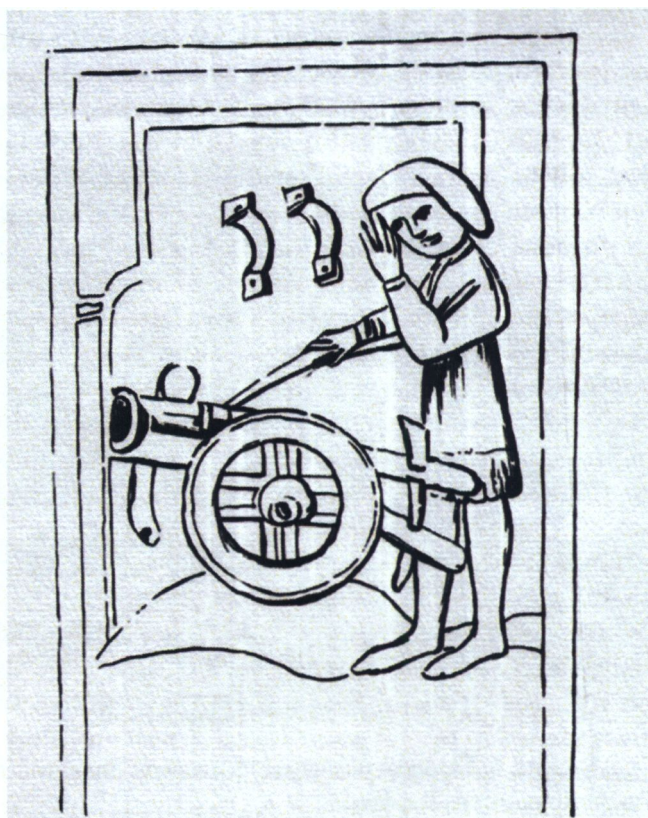
← Рис. 1. Гуфницы на боевых возах. Фрагмент рисунка *Венской хроники* первой половины XV в.

← Рис. 2. „Пушки и тюфяки” на башнях кремля во время осады Москвы татарами в 1382 г. Миниатюра *Лицевого свода* XVI в.

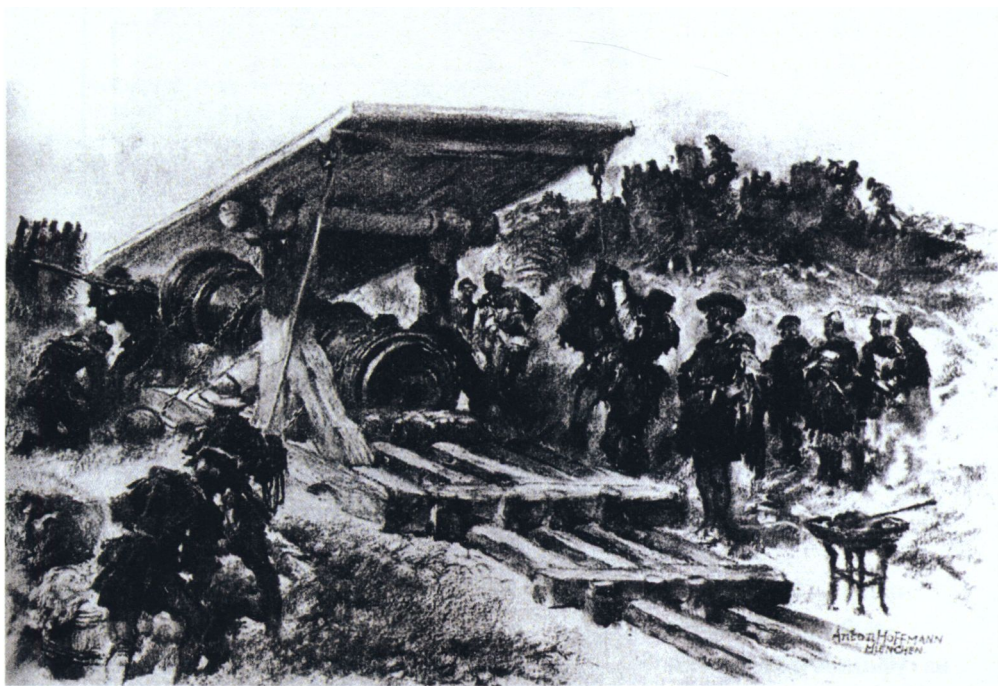
→ Рис. 3.
Казнозарядные пищали
конца XIV – первой
половины XV в.
Прорисунок В. В. Аренда.

→ Рис. 4. Стрельба
из гуфницы на колесном
лафете при помощи
запальника. Рисунок
1390–1400 гг.

↑ Рис. 5. Транспортировка ствола тяжёлой бомбарды (первая половина XV в.)
Реконструкция А. Гоффмана.

↑ Рис. 6. Тяжёлая бомбарда на огневой позиции (первая половина XV в.)
Реконструкция А. Гоффмана.